

СОДЕРЖАНИЕ

Действующие лица.....	5
Пролог.....	10
Глава 1	26
<i>«потому что участь сынов человеческих и участь животных — участь одна: как те умирают, так умирают и эти»</i>	
Глава 2	109
<i>«И обратился я и увидел всякие угнетения, какие делаются под солнцем»</i>	
Глава 3	189
<i>«О смерть! как горько воспоминание о тебе»</i>	
Глава 4	316
<i>Если я говорю языками человеческими и ангельскими</i>	
Эпилог.....	372

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Фэн Лукуй — ученица 11-го класса, председатель ученического совета.

Гу Цяньцян — ученица 11-го класса, член комитета по управлению школьным общежитием ученического совета.

Се Цайцзюнь — ученица 10-го класса, член Ученического совета.

Чжэн Фэнши — ученик 10-го класса, член ученического совета.

Яо Шухань — заведующая школьной библиотекой.

Офицер Хун — ответственный за расследование событий пятилетней давности.

Тан Ли — погибшая пять лет назад ученица, проживавшая в школьном общежитии.

Лу Ин — соседка Тан Ли по комнате в школьном общежитии.

Хо Вэйвэй — подруга Лу Ин.

Лу Цюча

У Сяоцин — соседка Хо Вэйвэй по комнате в школьном общежитии.

Е Шаовань — девушка, замешанная в событиях пятилетней давности, проживавшая в школьном общежитии ученица.

Учитель Дэн — учитель географии.

У Гуань — ученица 10-го класса, высленная из школьного общежития.

Ду Сяююань — соседка У Гуань по комнате в школьном общежитии.

Янь Маолин — парень У Гуань.

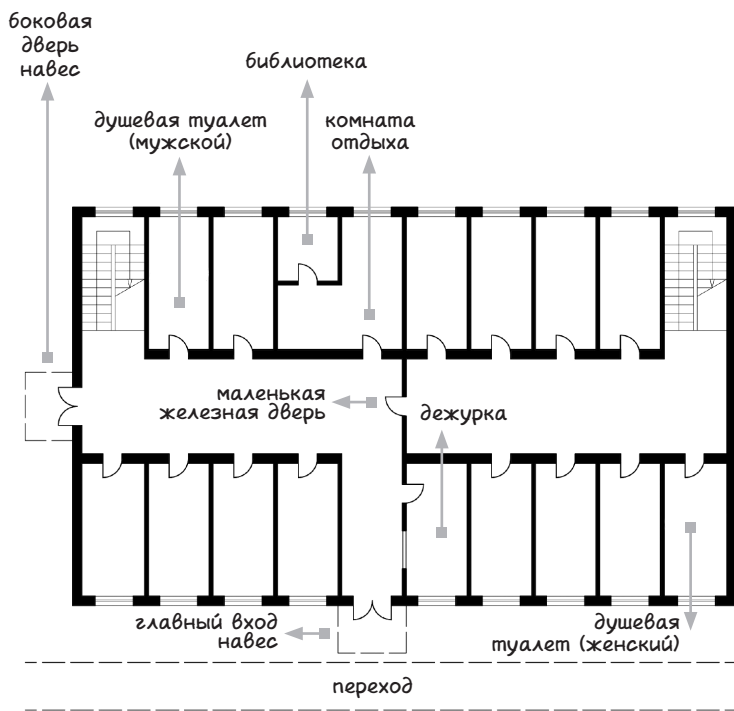
Дун Эньцунь — ученик 12-го класса, проживающий в школьном общежитии.

Се Чуньи — ученица 12-го класса, проживающая в школьном общежитии.

Мэн Тэнфан — ученица 11-го класса, проживающая в школьном общежитии.

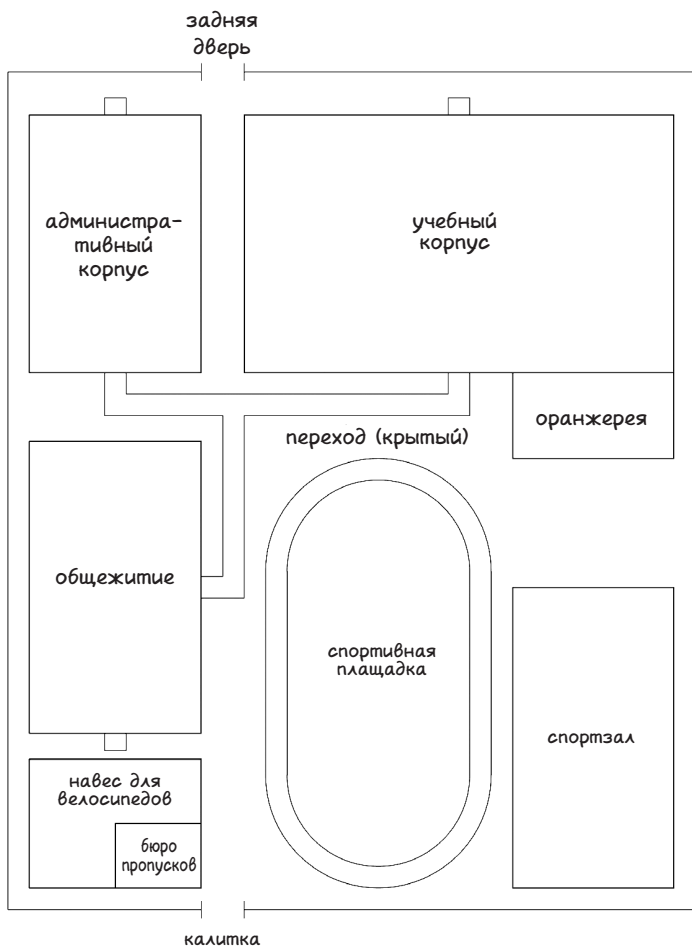
Охранник.

Командант школьного общежития.

План общежития

Рис 1.

План кампуса

Рис 2.

Рассмотрим конкретный пример — утверждение «Снег белый». Возникает вопрос: при каких условиях это утверждение истинно или ложно? В соответствии с классической концепцией истины очевидно, что данное утверждение является истинным, если снег белый, и ложным, если снег не белый. Исходя из этого, если определение истины соответствует изложенной концепции, то оно подразумевает под собой эквивалентность.

«Предложение „Снег бел“ истинно тогда и только тогда, когда снег бел».

*А. Тарский. «Семантическая концепция истины
и основания семантики»*

ПРОЛОГ

Это были последние и самые тяжелые часы за недолгие шестнадцать лет ее жизни.

Если бы только смерть наступила чуть раньше — как бы жестоко это ни звучало, — и все же, если бы это действительно было так, если бы складной нож чуть раньше вонзился ей в живот, она была бы избавлена от страданий и унижения. Ей, одетой лишь в пижаму, едва доходившую до середины голени, и в тапочках на босу ногу, не пришлось бы в метель искать себе пристанище, дрожа от холода, растирая окоченевшие бедра и лодыжки.

Одна радость — когда ее вышвырнули из общежития, снег еще не начался, беспощадные шестигранные кристаллы не успели укрыть землю. Когда она выскочила в распахнутое окно душевой на первом этаже, ее встретил лишь пронизывающий до костей ветер.

Вряд ли нашелся бы человек, который смог бы определить скорость ветра той ночью. Только метеорологи, благодаря своим точным приборам, да она, ощущавшая его всей кожей, назвали бы правильное значение.

Тогда и только тогда, когда снег белый

Окно с грохотом захлопнулось за ее спиной. Оглушительные порывы ветра не позволили ей услышать, как повернулась ручка. Вне всякого сомнения, тот, кто остался внутри, мог наглухо запереть окно. Изгнаннице не хватило смелости оглянуться, не хватило духу пойти и проверить. Ей даже не хотелось представлять, с каким выражением лица оставшийся внутри, в тепле и уюте, человек смотрит ей вслед. Со зловещей ухмылкой? С ледяным равнодушием, подперев голову рукой?

Если бы только она знала, что уже никогда не сможет вернуться в общежитие, что уже никогда не увидит своих друзей, если бы она только знала, то тогда, возможно, оглянулась бы. Шквал ветра лишил ее возможности твердо стоять на ногах, заставив семенить нетвердыми шажками. Простой она здесь хоть всю ночь, ее соседка не сменила бы гнев на милость. Хотя девушка не слышала звука удалявшихся шагов, но вполне отчетливо понимала, что оставшийся внутри человек уже ушел, направившись в более теплое и тихое место.

Она тоже решила поскорее уйти отсюда и быстрым шагом двинулась по крытой, скудно освещенной галерее, соединявшей общежитие, административный и учебный корпуса. Безжалостный ветер со свистом промчался между металлических балок, поддерживавших крышу. Она обхватила себя руками, периодически останавливаясь, чтобы растереть голени. Вскоре ее пальцы тоже занемели, и, как бы она ни старалась, как бы усердно ни терла их друг о друга, не могла почувствовать ни малейшего

Лу Цюча

тепла. В отчаянии она поднесла ладони к лицу и дохнула на них, однако крошечные облачка пара, вырвавшиеся из ее рта, тут же унесло порывом ветра.

Холодный ветер проник в рукава ее пижамы и расползся по всему телу.

«Возможно, удастся найти незапертую аудиторию в учебном корпусе, — подумала она, — в худшем случае там должен быть женский туалет с закрытым окном».

Менее чем в ста метрах, на другом конце галереи, располагалась стеклянная оранжерея, строительство которой завершилось в начале этого года; цветы в ней никогда не знали суровых зимних морозов. Однако девушка прекрасно знала, что ей были недоступны привилегии, совершенно безосновательно доставшиеся цветам: оранжерею открывали во время обеденного перерыва и на пару часов после окончания занятий, в остальное время она была заперта. Учебный корпус был сейчас лучшим вариантом, и она рассчитывала переждать в нем ночь.

Она сунула окоченевшие руки в рукава, обхватив себя за предплечья, однако те уже успели замерзнуть, утратив последние частички тепла, поэтому ей пришлось просунуть ладони дальше, минуя локти, к самым плечам, обхватить их кончиками пальцев. Но, вопреки ожиданиям, она не почувствовала тепла, лишь холод в плечах от собственных прикосновений. Почти инстинктивно она принялась растирать их, не обращая внимания, что швы на рукавах грозят разойтись, но не осмеливалась тереть

Тогда и только тогда, когда снег белый

слишком сильно, чтобы не причинить себе большего вреда: еще до сегодняшнего изгнания ее руки уже были покрыты синяками. Разумеется, сей «шедевр» сотворила ее соседка по комнате. Возможно, две ее одноклассницы тоже были к нему причастны, но до конца она уверена не была — как-никак их жестокость не знала предела. В самом начале она еще помнила автора каждой ссадины, каждого кровоподтека; не потому, что придерживалась философии «око за око, зуб за зуб», а потому, что тело не позволяло ей забыть. Однако постепенно душа ее загрубела, как загрубели и раны, и теперь она не могла с уверенностью определить, кем была оставлена та или иная отметина на ее теле. К тому же ее преследовательницы на веки вечные останутся счастливой троицей, а она — одиночкой, назначенной на роль жертвы, и даже нынешняя ночь, последняя ночь в ее жизни, ничего не изменит в ее судьбе.

Наконец она оказалась перед входом в учебный корпус. Она не надеялась, что по ту сторону двери будет особенно тепло, но по крайней мере рассчитывала надежно укрыться от ветра. Вытащив одну руку из рукава, она взялась за ледяную гладкую дверную ручку — едва согревшиеся пальцы немедленно онемели вновь.

Впрочем, излучавшая холод железная дверь, похоже, просто-напросто примерзла и осталась бы неподвижной, как бы сильно она ее ни тянула.

Заперто. Ее взгляд скользнул к замочной скважине, чей зияющий чернотой глаз был ясно различим под дверной ручкой, несмотря на то что единственный источник

Лу Цюча

света остался за спиной у девушки. Она почувствовала, что с другой стороны кто-то наблюдает за ней, и непроизвольно попятилась. К счастью, это была всего лишь игра воображения. Железная дверь по-прежнему держала ее на пороге вдвоем со свирепым зимним ветром. «*Может быть, стоит попытаться счастья с черного хода?*» Но она тут же отмела эту идею, ведь, чтобы добраться туда, необходимо было пройти по длинной узкой крытой галерее, соединявшей административный корпус с учебным, — самому продуваемому месту во всем кампусе. По дороге сюда она отчетливо ощутила, что свирепствующий ветер мог сбить ее с ног.

В отчаянии она решила повернуть назад и искать убежище в административном корпусе, вход в который только что миновала, проходя по крытой галерее, поскольку в тот момент не планировала укрыться там — ходили слухи, что по будням одинокий учитель ночует в своем классе. Ученики видели его, когда он вечером ходил за кипятком в общежитие. Она очень боялась столкнуться с ним: едва перевалило за полночь, так что вряд ли он уже спал. Стечение обстоятельств, казалось, не оставляло ей иного выбора, кроме административного корпуса. Нет, выбор еще есть. Она повернулась, широко раскрыв глаза, пытаясь разглядеть в бушующем ветре тусклый огонек бюро пропусков. Наконец она заметила желаемое, но, несмотря на это, тут же отвела взгляд: надпись «Обратитесь за помощью к дежурному сотруднику бюро пропусков» маячила перед ней с единственной на данный момент альтернативой, но ни при

Тогда и только тогда, когда снег белый

каких условиях нельзя было ее выбирать. Обращение за помощью лишь временно облегчило бы ее затруднительное положение, но неизбежно навлекло бы на нее еще большие неприятности. Каждый раз, когда ей казалось, что хуже быть уже не может, что она испила до дна чашу самых жестоких и горьких унижений, они всегда наглядно доказывали ей, что их воображение гораздо богаче, чем ее собственное, особенно в те моменты, когда им не составляло никакого труда мгновенно претворять задуманное в жизнь.

Вой ветра заглушал ее урчащий живот, однако не мог притупить сильное чувство голода. Желудок нестерпимо ныл. С тех пор как ей последний раз удалось поесть, прошло уже двенадцать часов. После этого она не смогла поужинать в столовой. Каждый раз во время приема пищи она была вынуждена сидеть с ними за одним столом, слушать, как они кусают, жуют, глотают, однако не осмеливаясь поднять на них глаза: если они обнаруживали, что она смотрит, то неизбежно следовали болезненные пинки ногами под столом. Если кто-то из ее знакомых проходил мимо и невзначай интересовался, почему она не ест, то девушка неизменно терпеливо повторяла навязанное себе самой же оправдание: «Я на диете», несмотря на то что она уже начинала выглядеть истощенной.

Вместе с чувством голода подступила дурнота. Она пошатнулась, явно пытаясь во что бы то ни стало продвигаться вперед, но вновь шагнула к двери, не смея, впрочем, прижиматься спиной к холодному железу.

Лу Цюча

В этот момент, словно для того, чтобы усугубить ее и так безвыходное положение, пошел снег, опускаясь на ее лоб сквозь промежутки волос в челке. С приходом декабря несколько дней было пасмурно, и вот наконец пошел первый снег. В свете фонаря золотистые снежинки стремительно кружились на ветру. Чем ближе одна из них подлетала к ней из круга света, тем белее она казалась, однако эту кристальную белизну она хотела видеть сейчас меньше всего. Более того, она надеялась увидеть совсем иные цвета: нежно-зеленую наволочку (хотя от постоянных слез та уже давно потемнела) и лазурно-голубой пододеяльник. Уж точно не что-то белое, бледное и безжизненное: цвет пропитанной спиртом ваты, цвет влажного полотенца, которым стегают, цвет яростной головной боли. Белый цвет оставил у нее только горькие воспоминания, и данный момент не был исключением. Если продолжать в том же духе, она рано или поздно замерзнет насмерть — с такими мыслями она направилась по крытой галерее к административному корпусу.

Оглядываясь назад, она понимала, что долгое время не обращала внимания на мир вокруг: по сути, ее жизнь в кампусе была похожа на эту тесную галерею и протекала между учебным корпусом и общежитием в вечных попытках спрятаться под ее крышей, уберечься. Если только ее мучительницы не заставляли ее идти под дождем, а такое случалось уже неоднократно. К счастью, чудесным образом никого из них сейчас нет рядом и никто не сможет выгнать ее из-под защиты галереи. Однако, несмотря на эту защиту, сильные порывы ветра

Тогда и только тогда, когда снег белый

по-прежнему обдавали ее ноги хлопьями холодного снега. Снег на юге вообще не особенно красив, не завивается в спирали ледяных жемчужин, а устилает землю тонкой влажной и липкой подстилкой, торопливо осыпаясь — совершенно не похоже на плавный и изящный, спокойный и неторопливый снег, описываемый в художественной литературе. Едва выпав, он тут же исчезает, оставляя после себя хрупкую ледяную корку. Снег набивался в ее тапочки, левая нога уже сильно промокла; хлопчатобумажная обувь полностью оправдывала свое название: они не просто были сделаны из неотбеленного хлопка (цвета мокрого хлопчатника), в сравнении со снегом бывшего гораздо темнее; когда снег попадал на них, они тут же становились грязно-серыми, напоминая асфальтовое дорожное покрытие. Несмотря на то что тапочки были ей впору и плотно сидели на ногах, она старалась изо всех сил, чтобы талый снег не попадал в левую тапочку, и была вынуждена ковылять. Когда она наконец достигла административного корпуса, верх тапочек уже покрылся тонкой коркой льда. Перед тем как взяться за ручку двери, она несколько раз топнула, стоя на цементной площадке перед входом, пытаясь сбить наледь с обуви, но безуспешно. Над ее головой был бетонный навес (от дождя), с которого свисала одинокая тусклая лампочка, яростно колеблемая ветром, который заставлял отбрасываемую ей тень дрожать гораздо сильнее, чем дрожала девушка, съезжившаяся под ледяными порывами.

Она крепко ухватилась за ручку и потянула дверь на себя — на этот раз та поддалась, издав пронзительный

Лу Цюча

противный скрежет, когда распахнулись ворота убежища. В нос ей ударил затхлый запах кладовых и коридоров первого этажа, которые были заброшены в течение многих лет. Захлопнув дверь, она глубоко вдохнула и зашла в приступе кашля от клубящейся в воздухе пыли. Закрыв рот руками, она сделала над собой усилие, сдерживаясь изо всех сил, смертельно боясь обнаружить свое присутствие жившему в административном корпусе учителю. Первый этаж давно уже стал райским уголком для плесени и пыли. Здесь не стоило задерживаться, и она направилась вверх по лестнице слева, ведущей на второй этаж.

На стене в углу лестничной площадки было открыто маленькое окошко на высоте человеческого роста. Оно оказалось заляпано грязью и покрыто слоем серовато-белого налета. Снежный пейзаж в окно был не виден, только когда хлопья падали на стекло, можно было понять, что идет снег. Эти хлопья, ударяясь о гладкую прозрачную поверхность, оставляли смутные очертания, подобно ненадолго задерживавшимся на окне насекомым в разгар лета. Через короткое время очертание тоже исчезало и тут же превращалось в струйку воды, скользившую вниз к стальной раме, оставляя после себя только след, который вскоре тоже исчезал. Жизнь человека — не более чем этот след, и только. Если бы несколькими месяцами ранее она увидела эту картину, то могла бы тяжело вздохнуть над ней, однако в последнее время ее уже ничто не трогало. Когда соседки по комнате ложились спать, а она горько рыдала в подушку, молча глотая слезы, в ее душе, казалось бы, неизбежно